

Примітки

¹ Бекетова, В.М. Немецкие геральдические памятники в собрании Днепропетровского исторического музея / В.М.Бекетова // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. - Д., 2002. - С. 247-251.

² Тематико-експозиційні плани виставок // Науковий архів Дніпропетровського історичного музею 1991-2007 рр. - Рукопис.

³ Бабенко, В.А. Из этнографических наблюдений в Екатеринославской губернии / В.А.Бабенко. - Х., 1905; Бабенко, В.А. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края / В.А.Бабенко. - Екатеринослав, 1905.

⁴ Абросимова, С.В. Немцы Приднепровья и отражение их общественной деятельности в рукописном собрании Днепропетровского исторического музея (XIX - начало XX вв.) / С.В.Абросимова // Украина - Германия: экономическое и интеллектуальное сотрудничество (XIX-XX вв.): материалы междунар. науч. конф. - Д., 1998. - Т. 1. - С. 13-19.

⁵ Чабан, М.П. Коли народи чвари позабудуть... / М.П.Чабан // Зоря. - 2004. - 6 листопада.

Надійшла до редколегії 16.09.2007

В.Ю.Бабкова

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕРТИНЕНТНОГО КОМПЛЕКСА АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ
МЕННОНИТОВ: ОБЗОР ФОНДОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ
АРХИВОВ ЮЖНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статті проаналізовані репрезентативні можливості комплексів архівних документів фондів чотирьох архівів Північно-Кавказького регіону, які висвітлюють практично недосліджені проблеми історії російських менонітів.

Непременным условием исследования той или иной проблемы является наличие пертинентных источников, составление банка информации о них. Для изучения истории северокавказских меннонитов это положение наиболее актуально, что определено неразработанностью темы, а также рядом объективных и субъективных трудностей в выявлении источников. Принимая во внимание тот факт,

что северокавказский поток меннонитской миграции в исторической литературе практически не изучен, а сама общность разрушена и эмигрировала, основным источником изучения проблемы являются материалы архивов региона.

На территории Северного Кавказа следует выделить три основные группы меннонитских поселений: так называемые кубанские, кавминводские (суворовские) и терские колонии. Соответственно, весь массив архивных источников по проблеме можно условно подразделить на три основных комплекса материалов: документы Государственного архива Краснодарского края – ГАКК (Краснодар), Государственного архива Ставропольского края – ГАСК (Ставрополь) и Центрального Государственного архива Республики Северная Осетия – Алания ЦГА РСО-А (Владикавказ). Эти архивные комплексы состоят в основном из фондов различных государственных структур: Канцелярии Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского Казачьего войска, Кубанского областного правления, Канцелярии помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами, Канцелярии Ставропольского губернатора, Управления наместника Кавказского, Терского областного правления, Дирекции народных училищ Терской области и др.

Характеризуя круг этих источников, можно отметить его разнообразие. Он включает в себя основные типы и виды источникового материала: распорядительные документы, отражающие особенности правового положения иностранцев и подданных империи во второй половине XIX – начале XX вв.: циркуляры (копии), приказы по основной деятельности и по личному составу и др.; комплекс документации административных и фискальных учреждений (ведомости о казенных оброчных статьях, инструкции, статистические сведения); документы по вопросам заселения и функционирования колоний (рапорты, прошения, переписка, списки поселенцев, ходатайства, карты, чертежи и др.); материалы о различных сторонах жизнедеятельности северокавказских меннонитских общин и др.

Бесценный источник для исследования проблем иностранной колонизации Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв., изучения правового положения, гражданства, вероисповедания, социальной принадлежности северокавказских меннонитов представляют въездные билеты, хранящиеся в фондах региональных архивов, которые выдавались иностранцу на свободное жительство и переезд в границах Российской империи. Следует отметить, что при кажущейся скудности и однотипности содержащихся в них данных, информа-

ционная ценность данного вида источников достаточно велика. Внимательное отношение исследователя к источнику поможет проследить динамику заселения северокавказских меннонитских колоний, уточнить социальное и правовое положение меннонитов и даже составить антропологический портрет переселенцев.

Изучение въездных билетов демонстрирует, что со второй половины 1860-х - в начале 1870-х гг. на территорию Северного Кавказа достаточно активно перемещались подданные других государств, в том числе и меннониты. Анализ билетов, выданных начальником Кубанской области за 1875-1876 гг. показывает, что по просьбе меннонитского колониального правления Баталпашинского уезда Кубанской области за указанные два года жителям колоний Александерфельд и Вольдемфюрст было выдано семь билетов¹. Шесть семей иностранцев (Мартин Леша, Петра Рундковского, Франца Шейковского, Августа Бирмана, Эрнеста Штарке и Иоганна Пакмара) прибыло в Кубанскую область по билетам Ставропольского губернатора, семья Георгия Ланге - по билету Керч-Еникольского градоначальника. Семьи Мартина Леша и Петра Рундковского поселились в колонии Александерфельд, остальные - в Вольдемфюрст. Все они являлись «мастеровыми»: Мартин Леш - каменщик, Франц Шейковский и Август Бирман - «рукодельники», Иоганн Пакмар - плотник и т.д. Что касается гражданства этих семей, то за исключением Ланге (Виртембергский подданный), остальные являлись подданными Прусского государства. Шесть из семи семей исповедовали лютеранство. Эдуард Ратке в своих воспоминаниях отмечает, что кубанские меннониты практиковали сдачу своих земель в аренду представителям других конфессий. Небольшие группы немецкоязычных католиков и лютеран, проживающих в кубанских колониях, сохраняли свою конфессиональную самостоятельность и «старались сохранить за собой немецкое или швейцарское гражданство»². Но, по-видимому, были и исключения. Так, в прошении меннонитского колониального правления Баталпашинского уезда Кубанской области от 2 января 1876 г. о выдаче нового билета прусско-подданному Эрнесту Штарке с семьей, отмечалось, что «иностранец сей ходатайствует уже несколько лет о принятии его в подданство России», и подобные случаи были не единичными³.

Еще одним уникальным, пертинентным для изучения истории северокавказских меннонитов, источником является комплекс документов выборов шульцев, обершульцев и бейзицеров колоний Александерфельд и Вольдемфюрст (рапорты, выборные листы, переписка

и др.) за 1876-1885 гг. из фондов ГАКК. Эти документы представляют огромный интерес как для исследователей, так и для потомков северокавказских меннонитов, так как наряду со списками жителей обозначенных колоний сохранили выбор каждого голосующего и его личную подпись⁴. Всесторонний анализ данных документов позволяет исследовать проблему управления северокавказскими меннонитскими колониями, проследить изменение правового положения колонистов в последней трети XIX в. и т.д.

С привлечением документов выборов стало возможным проследить изменения в административном управлении меннонитскими колониями в последней трети XIX в.: с этого времени изменились условия создания сельских обществ, теперь они включались в состав волостей. Несколько мелких меннонитских селений с целью реализации административной и судебной функций объединялись в отдельную волость с собственным правлением. Имеющиеся нормативные акты обязывали тех, кто обустроивался на казенных землях, увольняться из прежних обществ. В 1906 г. в целях более быстрого оформления поселений было разрешено сельским обывателям, уже принадлежащим к составу сельского общества, вступать без обязательного увольнения из этих обществ в другие сельские общества. Однако до оформления добровольного выхода из состава прежнего сельского общества обыватель был связан с ним правами и обязанностями. С момента административного оформления существования колонии ее жителям даровалось право самоуправления⁵.

Административное управление кубанскими поселениями меннонитов осуществлялось следующим образом. Колония Великокняжеская представляла собой самостоятельную административно-поселковую единицу, колония Александердар в административном отношении была приписана к Великокняжеской волости. Светская власть в каждой меннонитской колонии была представлена в лице т.н. Schulze (сельского старосты). Обязанности волостного старшины возлагались на Oberschulze, выбираемого на собрании колонистов и отличающегося грамотностью, практическим опытом в сфере «мирского» управления и авторитетом среди меннонитов. Вопросы, касающиеся всего братства меннонитов, решались на общем собрании, колониальном сходе. За обсуждением вопросов и порядком на сходах отдельно в каждой колонии следили Schulze, а на общих сходах Oberschulze. Обсуждению схода подлежали: выбор старосты, взаимное страхование имущества, прием в общину новых членов, общественные работы, наем учителя, отчуждение земли под какое-либо соору-

жение, рассмотрение просьб и жалоб меннонитов, распределение податей и повинностей и другие дела, не относившиеся к церковной юрисдикции.

Документы свидетельствуют, что административное руководство кубанскими колониями меннонитов со времени их основания до середины 1870-х гг. осуществлял руководитель конгрегации Иоганн Классен (1820-1876 гг.). Именно он в 1860-1862 гг. добился разрешения основать на Кубани новую колонию для меннонитской братской общины. Находясь в должности Oberschulze, Классен представлял интересы общины во взаимоотношениях с государственной властью. За свою административную работу в колониях он был награжден в 1872 и 1874 гг. двумя правительственными медалями на орденских лентах – золотой и серебряной⁶. С 1 января 1876 г. в должности Oberschulze Иоганна Классена сменил 45-летний Абрам Винс, пользующийся большим авторитетом у колонистов. Об этом свидетельствует количество голосов, отданных за него на выборах. Из 52 голосовавших 38 человек отдали свои голоса Винсу. Кроме Винса кандидатами на эту должность были Гергард Янцен, Гергард Шах, Гергард Фризен и Абрам Петерс. Трое из них (кроме Гергарда Шаха) голосовали за Абрама Винса⁷.

Выборы проходили 25 ноября 1875 г. в присутствии приставов 2-го участка Баталпашинского уезда, наблюдавших за их законным ходом. Проводились выборы путем открытого голосования, по результатам выборов приставами был составлен выборный лист, подписанный общинниками и заверенный в уездном правлении⁸. Не нарушая право внутренней юрисдикции меннонитских колоний, администрация Кубанской области имела право присутствовать и наблюдать за ходом выборов, а начальник Кубанской области на основании 25 ст. III т. Св. зак. уст. об иностранцах в Империи (изд. в 1857 г.) формально утверждал выбранных меннонитами должностных лиц⁹. На колониальных выборах кроме Oberschulze избирались Schulze и бейзицеры. В 1875 г. ими стали Франц Фризен (Schulze), Генрих Фламинг (бейзицер) в колонии Вольдемфюрст и Гергард Фризен (Schulze), Гергард Янцен (бейзицер) в колонии Александерфельд¹⁰.

Следует отметить, что все без исключения избранные в 1875 г. должностные лица числились в списке первопоселенцев кубанских колоний 1864 года, т.е. являлись наиболее твердыми и решительными последователями новоменнонитского учения, чем и объясняется их авторитет в среде общинников. Обращает на себя внимание и сравнительно молодой возраст избранных: Абрам Винс – 45 лет,

Франц и Гергард Фризен – 27 и 29 лет соответственно, Генрих Фламинг – 46 лет и Гергард Янцен – 43 года. Возможно, данный факт можно объяснить уходом Иоганна Классена и последовавшим за этим обновлением и омоложением состава административного руководства колоний. Абрам Винс трижды переизбирался на должность Oberschulze: в 1878, 1881 и 1884 гг.¹¹ Интересно рассмотреть количество голосов, отдаваемых за его кандидатуру в разные годы. В 1875 г. за него было отдано 38 голосов против 14; в 1878 г. 32 против 11, а в 1884 г. 38 против 30. Таким образом, если первоначально его поддерживали 73% голосующих, то в 1884 г. – уже 55%. Уступив должность Oberschulze Якобу Гизбрехту в 1887 г., Винс был избран на должность сельского судьи в 1891 г.¹²

Кроме того, в фондах ГАКК представлены такие материалы, как переписка между Кавказским Наместником и Начальником Кубанской области (лето 1866 г.), акты обследования колоний меннонитов (отчеты прокурора Евангелическо-лютеранской консистории Бруно (1863 г.), капитана Введенского от 30 июня 1866 г., программа занятий Межевой комиссии Кубанского Казачьего войска на лето 1866 г. и др., которые позволяют проследить отношение местной кавказской власти к меннонитам, выявить его характер, а также рисуют картину адаптации поселенцев в новом социокультурном пространстве¹³.

Важные сведения об условиях поселения меннонитов в северокавказском регионе, хозяйственных занятиях, взаимоотношениях с местной властью предоставляют фонды ГАСК, содержащие въездные билеты, на основании которых меннониты поселялись на территории Ставропольской губернии, сведения официальной статистики, рапорты, отчеты местных чиновников и т.д. В фондах ГАСК найден интереснейший документ, отражающий процесс природно-хозяйственной адаптации северокавказских меннонитов, особенности их вхождения в формирующийся рынок региона – отчет о развитии виноградарства в меннонитском поселении Темпельгоф¹⁴. Помимо собственно исторической информации, он содержит уникальные сведения о местоположении, территории и рельефе поселения, подробнейшее описание климатических условий и почв, предопределивших особенности хозяйственных занятий меннонитов Темпельгофа и Орбелиановки. Данный документ сохранил конспект специального обследования почв в Темпельгофе, проведенного специалистами под общим руководством профессора Шульги в 1931 г.; выписки из книги одного из основателей колонии Темпельгоф Ф.Ланге «Geschichte die Templer» и

другие ценнейшие материалы, оригиналы которых, к сожалению, утрачены для современных исследователей.

В фондах Ставропольского архива хранятся списки меннонитов-собственников земли. Данные документы свидетельствуют, что наряду с арендой крупных земельных участков под поселения, с последней трети XIX – в начале XX вв. отдельными меннонитами практиковалось приобретение небольших участков в собственность. Так, «Список немцев, купивших землю у крестьян села Канглы» содержит большое количество меннонитских фамилий: Реймер, Винс, Ребёр, Дирксен, Тевс, Унру и др.¹⁵ Характерно, что меннониты, купившие земельные участки, были приписаны к различным сельским обществам и проживали в различных местностях: Таврической, Екатеринославской, Херсонской губерниях, Терской и Кубанской областях. Выбор места для покупки земли, по всей вероятности, не случаен. В районе Кавминвод в последней трети XIX – начале XX вв. были образованы места компактного поселения меннонитов. Сюда относились до конца XIX в. колонии Темпельгоф и Орбелиановка, жители которых – меннониты в 1897-1898 гг. переселились в район Сухой Падины, основав там поселения Ольгино и Романовское; а также так называемые «суворовские» меннонитские поселения (от названия близлежащей железнодорожной станции): Николаевская Степь, Великокняжеская (Красная) Долина, Ареваль, Лаварово, Цветополь, Ташенак, Марьины колодцы, Сарона и др.¹⁶ Несмотря на стремление к компактному, изолированному расселению, для данных меннонитских поселений была характерна поликонфессиональность. Архивные источники, имеющиеся в ГАСК, содержат сведения, что в первой трети XX в. в меннонитских поселениях также проживали православные русские, украинцы, греки, немцы-лютеране и католики¹⁷.

Заслуживает внимания комплекс документов по истории северокавказских меннонитов, находящихся на хранении в Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК)¹⁸. Ряд документальных источников, хранящихся здесь, принадлежат к разряду специфичных (стенограммы совещаний секретарей райкомов ВКП(б), информационные сводки окружных отделов ОГПУ и др.), имеют различные ограничительные грифы. Хронологические границы данного комплекса документов охватывают период времени с 1920-х по 1940-е годы. Документы о меннонитах из фондов ГАНИСК представляют ценнейшую информацию, позволяющую уточнить места расселения меннонитов на территории Ставропольской губернии (Ставропольского края) в первой трети XX в., рассмотреть динамику

перемещений на территории региона, определить численность общности, выявить мотивы их эмиграции и реальные причины разрушения общности северокавказских меннонитов в XX в. Следует отметить, что на сегодняшний день рассекречена только часть обозначенного комплекса документов. В 2008 г. экспертной группой архива запланировано рассекречивание документов трех фондов – Либкнехтовского, Невинномысского и Минераловодского райкомов ВКП(б), содержащих ценные сведения об истории северокавказских меннонитов в XX в.

В начале XX в. в ходе колонизации Предкавказья на территорию Хасав-Юртовского округа Терской области было осуществлено переселение меннонитских общин из Новороссии. Проживание меннонитов на территории Хасав-Юрта длилось недолго – около 2 десятилетий. Уже через несколько лет после переселения часть терских меннонитов в рамках проведения столыпинских реформ перебралась в Сибирь, другим удалось выехать в Америку, остальные в 1917-1919 гг. бежали от набегов горцев на территорию Сухой Падины Ставропольской губернии. Так называемый «терский период» жизнедеятельности меннонитских общин был предан забвению и до сих пор принадлежит к числу неразработанных тем в историографии меннонитства.

Основной и практически единственный источник для изучения терских поселений меннонитов представляют документы Центрального Государственного архива Республики Северная Осетия – Алания. Но их уникальность обусловлена не только этим фактором. В фондах архива сохранились документы, ценность которых определяется их содержанием. Основной массив источников по изучению терских меннонитских колоний сосредоточен в фонде «Терское областное правление». В ведение Правления входило обнародование и наблюдение за исполнением законов, указов и повелений верховных органов власти, вопросы административного управления в области, а также дела, находящиеся в ведении земских управ. В связи с этим, фонд содержит комплекс распорядительных документов (копии циркуляров министерств внутренних и иностранных дел, предписания департамента полиции и др.), отражающие особенности правового положения иностранцев и подданных империи во второй половине XIX – начале XX вв. Анализ этих документов позволяет предположить, что основная масса меннонитов, переселившихся в Терскую область, имела российское гражданство, являясь потомками первых иммигрантов-меннонитов.

Факт поселения меннонитов из Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний на территории 1-го участка Хасав-Юртовского округа Терской области зафиксирован в «Деле Терского областного правления по ходатайству поселян немцев 16 колоний об открытии сельского правления»¹⁹. Земля под поселения была приобретена меннонитскими обществами Гальштадтской и Гнаденфельдской волостей у землевладельцев братьев Львовых в размере 24810 дес. Массовое переселение меннонитов в Хасав-Юртовский округ Терской области было организовано в 1901 г. и продолжалось до 1905 г. включительно. Первоначально было заселено 12 меннонитских колоний. К 1905 г. число поселений на этом участке увеличилось до 16: Вандерло, Харч, Толма (Тальма), Константиновка, Сулак, Александровка, Марьяновка, Рорбах, Николаевка, Мидельбург, Притория (Претория), Остгейм, Тарановка, Камышлак, Каплан и Аграхан с общим числом дворов – 329²⁰.

Сведения о заселении колоний в 1901-1902 гг., распределении семей меннонитов по селениям предоставляет «Список поселян, проживающих на участке бывших братьев Львовых»²¹. Данный документ представляет для исследователя особый интерес, т.к. при определенном подходе и тщательности проработки дает необходимый материал по вопросам социальной, демографической и повседневной жизни колонистов.

Список зафиксировал следующие сведения: звание, имена, фамилии, возраст поселенцев и места, откуда они прибыли с указанием селения, волости и губернии, по какому расчету наделены землей и сколько земли приходится на душу. Сам список не датирован, однако он прилагался к рапорту Начальника Хасав-Юртовского округа Терской области от 27 ноября 1902 г. за № 14615²². Сравнительный анализ ряда документов дает основание предположить, что «Список» был составлен в промежутке времени с 1901 г. до начала 1902 г., и в него вошли имена первопоселенцев хасав-юртовских колоний меннонитов. В «Списке» значатся 134 поселянина-собственника со своими семьями. Однако при работе с документом выяснилось, что 18 семей дважды внесены в список, при этом имена и возраст домовладельца и членов его семьи совпадали практически во всех случаях, иногда различались только места их выхода.

В частности, данные 11 семей – жителей колонии Вандерлоо дублируются с данными поселенцев колонии Александровка. Предположить неточное причисление этих семей к Вандерлоо позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, согласно «Сведениям о посе-

лениях, образовавшихся из колонистов на бывшей земле братьев Львовых» от 28 сентября 1902 г. в колонии Вандерлоо числилось 18 домохозяев²³. По данным «Списка» – их 24. Учитывая, что «Список» был, по-видимому, составлен раньше «Сведений о поселениях», а также общую тенденцию увеличения количества домовладений по данным «Сведений» (по сравнению со «Списком»), можно говорить об ошибочном причислении указанных семей к колонии Вандерлоо. Это предположение подтверждает тот факт, что обозначенные 11 семей составляли все население колонии Александровка.

При анализе этих данных необходимо учитывать следующие обстоятельства: во-первых, составлен список на русском языке, завизирован старшиной Кази-Юртовского сельского правления, к которому до 1905 г. относились терские меннонитские колонии. Таким образом, ряд неточностей мог быть допущен в связи с незнанием кавказской бюрократией низшего ранга немецкого языка, трудностей восприятия немецких имен, названий поселений и т.д. Однако «ошибочное» причисление части меннонитских семей одновременно к двум селениям свидетельствует и о высокой мобильности состава первопоселенцев колоний. Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в отсутствии тщательной предварительной подготовки переселения, прежде всего, со стороны местной власти. Процесс организации меннонитских колоний на практике происходил достаточно спонтанно, без необходимой помощи терской администрации, и неустойчивость состава поселенцев в первое время после водворения может свидетельствовать о трудностях их обустройства на новом месте.

В фонде «Терское областное правление» отложились дела, раскрывающие сложный процесс «выживания» общины в первые годы после переселения: общественные приговоры жителей меннонитских колоний о сооружении оросительных канав; инструкции, порядок составления и исполнения приходно-расходных смет и т.д. Кроме того, фонд имеет ряд дел, содержащих интереснейшие, хоть и разрозненные сведения об общественных нуждах меннонитских общин, результаты обследования молитвенных домов, школ, аптек и т.д. Отчетность колониального правления, общественные приговоры и прошения, материалы выборов сельских судей в меннонитских колониях Терской области и др. документы демонстрируют особенности взаимоотношений меннонитских общин с органами местной государственной власти, а также раскрывают темпы и уровень их политической и социокультурной адаптации в регионе. Следует отметить, что

меннониты включались в структуру региона на этапе ее оформления, что обусловило особенности их вхождения в новую среду обитания.

В ряде документов указанного фонда найдено отражение практика общения меннонитов с местным населением – горскими народами, казаками. В «Деле об установлении земельной дачи под названием Харч» описывается конфликтная ситуация между терскими меннонитами и горцами Дагестанской области, возникшая в 1905 г.²⁴ В её урегулировании принимали участие уполномоченные от меннонитов Гергард Шмидт и Генрих Рихерт, подавая прошения об установлении точных границ всех меннонитских колоний Николаевского правления в различные инстанции. Недоразумения из-за пользования земельными угодьями были разрешены только в 1910 г. Опустошительные набеги чеченцев в 1918-1920 гг. на терские колонии меннонитов привели к перенесению последних в район Сухой Падины. К сожалению, во Владикавказском архиве не обнаружены источники, раскрывающие сложные взаимоотношения терских меннонитов с горцами в указанное время. Возможно, эти дела в 1956 г. были переданы ЦГАРД (Махачкала). Еще предстоит работа по их выявлению.

Документы ЦГА РСФСР-А содержат информацию о росте антинемецких настроений в обществе перед Первой мировой войной, о меняющемся отношении центральных и местных властей к немецким и меннонитским поселенцам. В частности, в фонде «Терское областное правление» был обнаружен интереснейший документ под грифом «совершенно секретно», свидетельствующий, что тревогу местной власти вызывала возможная «политическая неблагонадежность» меннонитов. В 1911 г. по распоряжению Наместника Его Императорского Величества на Кавказе обо всех немецких и меннонитских пасторах и проповедниках собирались подробнейшие сведения. В деле «Перелиска с начальниками округов Терской области по религиозным вопросам» имеются списки с детальными характеристиками меннонитских проповедников всех терских колоний: Франца Энса (Толма), Дитриха Дирксена (Харч), Генриха Регера (Александровка), Корнелиуса Классена (Претория) и др.²⁵ Данные списки – уникальный документ, с одной стороны, позволяющий проследить меняющееся отношение власти к меннонитской общности, а с другой – оставивший ценнейшие сведения о духовной жизни терских меннонитских общин, о судьбах отдельных людей.

Кроме того, фонд содержит комплекс документов, относящихся к переселенческому движению северокавказского немецкоязычного населения за Урал в первое десятилетие XX в.: циркуляры, распоря-

жения центральных и местных властей о порядке переселения, прошения переселенцев о выдаче свидетельств на право проезда по переселенческому тарифу и др. Однако документы, имеющие непосредственное отношение к меннонитам, еще предстоит дифференцировать, что составляет значительные трудности.

Большой интерес представляют материалы фонда «Дирекция народных училищ Терской области». В фонде сосредоточены годовые отчеты дирекции о состоянии учебных заведений в Терской области; отчеты инспекторов; доклады, донесения, переписка о состоянии и работе школ; списки личного состава служащих по инспекторским районам и т.д. В годовых отчетах начальных училищ Терской области можно найти сведения о 15 меннонитских училищах, относящихся к 3-му инспекторскому району Терской дирекции народных училищ²⁶. Источники демонстрируют, что значение школы в жизни северокавказской меннонитской общности было очень велико, забота об организации обучения детей являлась первоочередной задачей общин.

В отчетах зафиксированы данные о времени основания училища, количестве учащихся (мальчиков, девочек), расходах дирекции на каждое училище за год. В сохранившихся списках учителей меннонитских училищ указывались их имена, отчества, фамилии, вероисповедание, должность, образование (время и место его получения), наличие учительского свидетельства, время поступления на службу, годовой оклад. Документы свидетельствуют, что на протяжении 1901-1907 гг. в Хасав-Юртовском округе была создана сеть начальных меннонитских училищ: в 1901 г. открыты училища в колониях Николаевка и Константиновка, 1902 – в поселениях Харч, Тарановка, Сулак, Претория, Остгейм, Мидельбург; 1904 и 1905 гг. – в Тальме и Марьяновке; 1907 г. – в Александровке, Вандерлоо, Камышлак, Рорбах²⁷.

Данный обзор свидетельствует о наличии целого пласта малоизученных, а порой и неизвестных материалов о меннонитах, содержащихся в фондах архивов Южного округа РФ. Эти документы являются ценнейшим комплексом источников, необходимых для воссоздания целостной картины жизнедеятельности северокавказских меннонитских общин.

Примечания

¹ Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454, оп. 7, д. 782, л. 29, 30, 123-126, 246, 252, 300, 303, 305; Ф. 249, оп. 1, д. 2609, л. 13-14. – Далее: ГАКК.

² Radtke, E. Die Memoiren / E.Radtke // Heimatbuch. – 1985-1989. – S. 158.

³ ГАКК. – Ф. 454, оп. 7, д. 782, л. 95.

- ⁴ Там же. – Д. 856, л. 1-6; Оп. 2, д. 1844, л. 1-7.
- ⁵ *Плохотнюк, Т.Н.* Российские немцы на Северном Кавказе / Т.Н.Плохотнюк. – М., 2001. – С. 25-26.
- ⁶ *Friesen, P.M.* The Mennonite Brotherhood in Russia (1768-1910) / P.M.Friesen; trans. from German. – Fresno. – 1980. – P. 474.
- ⁷ ГАКК. – Ф. 454, оп. 7, д. 856, л. 1-6.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. – Л. 6.
- ¹⁰ Там же. – Л. 1-1 об.
- ¹¹ Там же. – Л. 1-6; Оп. 2, д. 1844, л. 1-2.
- ¹² Там же. – Оп. 2, д. 2283, л. 7.
- ¹³ Там же. – Ф. 574, оп. 1, д. 330, л. 115-126; Ф. 774, оп. 2, д. 155, л. 3-4, 15-17, 27-31.
- ¹⁴ *Государственный архив Ставропольского края.* – Ф. Р-1341, оп. 2, д. 106, л. 1-71.
- ¹⁵ Там же. – Ф. 101, оп. 4, д. 3752, л. 133-134 об.
- ¹⁶ Там же. – Л. 10-17.
- ¹⁷ См.: Там же. – Л. 133-134 об.; Ф. 80, оп. 2, д. 96, л. 1-85.
- ¹⁸ См.: *Государственный архив новейшей истории Ставропольского края.* – Ф. 1. Ставропольский крайком КПСС; Ф. 5938. Терский окружком ВКП(б); Ф. 35. Невиномысский райком ВКП(б); Ф. 62. Либкнехтовский райком ВКП(б); Ф. 95. Минераловодский райком ВКП(б) и др.
- ¹⁹ *Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.* – Ф. 11, оп. 8, д. 32.
- ²⁰ Там же. – Л. 32.
- ²¹ Там же. – Л. 10-25.
- ²² Там же. – Л. 7.
- ²³ Там же. – Л. 8.
- ²⁴ Там же. – Ф. 261, оп. 1, д. 100.
- ²⁵ Там же. – Ф. 11, оп. 16, д. 396, л. 65-66.
- ²⁶ Там же. – Ф. 123, оп. 1, д. 1153.
- ²⁷ Там же. – Л. 26-27 об., 135-142.

Надійшла до редколегії 25.09.2007